Культура. – 1997. – 1 мая. – С. 12.

Польский вызов и Театр Польский

1.5.97

Ночь трех королей

НАШИ ЗА РУБЕЖОМ

Как известно, мы вывозим за рубеж нефть, газ, лес, цветные металлы, а также вооружение. Теперь мы стали все чаще экспортировать режиссеров драматического и музыкального театра. Сетовать тут не на что, идет естественный процесс сложения театральной всемирности. Жаль только, что многочисленные и большей частью высокопрофессиональные работы, сделанные нашими режиссерами по всем концам света, не видят наши зрители.

Алексей БАРТОШЕВИЧ

А не устроить ли как-нибудь в Москве фестиваль зарубежных постановок российских режиссеров? Смею вас уверить, великий был бы праздник, истинные именины сердца.

"Двенадцатая ночь" ("Ночь трех королей") – третья постановка Александра Вилькина в "Театре Польском" города Щецина.

Названия, которые Шекспир придумывал для своих комедий, редко отражают фабулу, скорее, они служат чем-то вроде музыкального ключа к каждой из пьес, поэтической формулой ее атмосферы.

Действие "Двенадцатой ночи" происходит в фантастической Иллирии, возле теплого моря, но названия комедии, как и сами их духи, связаны с образами английского Рождества, зимнего праздника, и прежде, и теперь обязательного для всякого англичанина. Двенадцатая ночь Рождества, ночь Трех Королей, как она называется в Польше, – последняя ночь празднества, которого ждут целый год, ночь шестого января, когда веселью предаются с особенной отчаянностью, а "лорд безчинства", шутовской рождественский король устраивает самые свои потешные розыгрыши. Но это последняя ночь, конец праздника; это веселье напоследок, на прощание, с днями радости расстаются на долгий год, театра – унылые будни, карнавальные маски станут мусором, диковинные костюмы – ветошью, от фейерверка останутся одни обгорелые проволоки.

Отсюда – особый аромат этой комедии Шекспира, ее светлая печаль, оттенковая, окутывающая возрожденческую веселость.

Эту театральную грацию и прозрачную поэзию "Двенадцатой ночи", зыбкую смесь английского юмора и английской же меланхолии превосходно почувствовали и передали польские актеры в спектакле, поставленном русским режиссером.

Ключевая фигура вдвинской "Двенадцатой ночи" – Шут, с изяществом сыгранный Мирославом Купецом. Здесь Шут – не только придворный увеселитель графини Оливии, он – Человек Театра, вечный Арлекин в пестро-клетчатом наряде, ведущий все представление вместе с белым клоуном Пьеро. Оно развертывается на фоне намеренно бутафорского моря, среди декораций, в малом размере дублирующих статуи и колонны Театра Олимпико, этого символа ренессансного театра (художник вдвинского спектакля Ян Блоцкий). Шут – это и Поэт, витающий со страны сновидений над судьбами двух любимых – слугой женщины и другой; обе эти трудности пьесы соединились в герцоге "Двенадцатой ночи" Виолы, она же – юноша, как Цесарио. Но прежде всего Шут – это [illegible] Поэзии, который у нас на глазах создает интригующие сплетения ее сюжета и с чуть отстраненным любопытством следит за тем, как его герои безнадежно в них запутываются. Не Виолу он смотрит с умилением и гордостью творца: любимое детище его фантазии, создание его рук вдруг обрело собственную, независимую от него жизнь, оказалось способно "выкидывать" такие фортели, каких не мог ждать и тот, кто эту самую Виолу создал. Влюбившись в Орсино, меланхолическая и робкая девица принимается действовать с неожиданной решительностью и удивительно провалившей свою миссию посла любви от Орсино к Оливии. Текст поединка она нередко отчеканивает, как дворянин поединок, но стоит ей на минуту выйти из [illegible] приличий, перед ней выходит [illegible] Вот [illegible] [illegible] любовь этой [illegible] и [illegible] Орсино для самой себя, [illegible] в конце концов [illegible] [illegible] Виолы [illegible] Себастьяна [illegible] Оливии.

В комедии Шекспира Шут поет печальные песни о любви и смерти. Одно с другим связано, одно находится в опасной близости к другому: все в мире подвластно ходу Времени, уносящему, как песок меж пальцев стоящего на краю сцены Шута, – один из метафорических лейтмотивов спектакля.

"Двенадцатая ночь" была написана почти одновременно с трагедией о принце датском и несет в себе отдаленное предчувствие "Гамлета". Режиссер обнажает эту связь, отнюдь вводя в текст кажется сцену Гамлета с могильщиком. Слова принца при этом произносит Шут. Но эта операция нужна вовсе не для того, чтобы превратить комедию в нечто заумно-похоронное, а напротив, чтобы раскрыть заложенную в искусстве Шекспира способность смеяться и над смертью, шутом ее преодолевая.

Тревожные тени, витающие над миром поздней шекспировской комедии, лишь сосредоточивают пронизывающие в ней любви и веселости особую прелесть и остроту. Праздник, даже зная, что близок его конец, что вот-вот минет ночь Трех Королей, на пороге [illegible] отказываются от чересчур [illegible] краски, отказываются шумного веселья.

В спектакле польского театра двенадцатая ночь Рождества – тихий праздник: белые, [illegible] фигуры [illegible] Пуританина и Богоугодной [illegible] [illegible] [illegible]